

УДК 821.161.1

Н. А. Непомнящих

**ТВОРЧЕСТВО Н. С. ЛЕСКОВА И СОЧИНЕНИЯ И. БРЯНЧАНИНОВА:
ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ТРАКТОВКИ
СЮЖЕТА «СКОМОРОХА ПАМФАЛОНА»
И «ПОВЕСТИ О БОГОУГОДНОМ ДРОВОКОЛЕ»³³**

В статье в качестве одного из возможных источников авторской интерпретации сюжета «Скомороха Памфалона» и «Повести о богоугодном древоколе» рассмотрены сочинения И. Брянчанинова. Соотнесена авторская оценка образов главных героев рассказов Н. С. Лескова с концепцией боголюбезности и самомнения И. Брянчанинова.

Ключевые слова: сюжет о поиске праведника, сюжет об истинном и мнимом праведниках, сочинения И. Брянчанинова и творчество Н. С. Лескова.

³³ Статья написана в рамках Интеграционного проекта ИФЛ СО РАН и ИИиА Уро РАН № 53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

N. A. Nepomniaschikh

**N. S. LESKOV'S WORKS AND I. BRYANCHANINOV'S WRITINGS:
A POSSIBLE SOURCE OF THE "PAMPHALON THE MOUNTEBANK"
AND "THE STORY OF A PIOUS CLEAVER" PLOT INTERPRETATION**

When studying the literature of XIX century, it is necessary to be aware of famous religious figures' contemporary writings. One should take into account their influence upon certain writers' philosophies. Recently the interest in N. S. Leskov's religious views and their evolution has quickened. The writer knew I. Bryanchaninov's writings. He was one of the first to make an attempt to reconstruct certain events of Bryanchaninov's biography. Bryanchaninov appeared under his real name as an incidental character in several Leskov's stories. Leskov's literary talent was in keeping with Bryanchaninov's idea of literature setting virtue examples instead of tempting readers with unworthy ones.

In 1880 Leskov turned to early Christian literature plots. His versions of the plots became the main content of his further literary works. "Pamphalon the Mountebank" and "The Story of a Pious Cleaver" are based on the stories from the "Prologues". They have attracted researchers' attention over and over again. M. P. Cherednikova, V. A. Tunimanov, and A. M. Ranchin's works discuss folklore sources, writer's correspondence in the time of writing of the stories as well as the censorial requirements influence on the stories transformation. Almost all of Leskov's works written in 1886–88 have a plot about a humble saint who is completely free from vanity and for whom it is natural to perceive himself as a sinner.

Antithesis of "humility and pride" appeared in the stories in 1886–88. Leskov used Russian words "pleasing to God (bogolubeznost') and self-conceit (samommenie)" which were characteristic of Bryanchaninov's language and referred to his writings. Leskov's correspondence of late 1880s – early 1890s shows that the writer thought it was very important to avoid pride and self-conceit. He wrote about it repeatedly to his correspondents.

The writer started to show the interest in the topic at this very period due to several factors. Leskov took part in preparation of a new edition of Bryanchaninov's complete works. They were issued in 1886. In 1887 Leskov met Leo Tolstoi in person for the first time. Ideas of taming egoism expressed in Tolstoi's doctrine and works were in keeping with his own thoughts. At the same time I. Bryanchaninov appeared as a character of Leskov's stories. So it is very important to consider the writings of such an outstanding church figure as was Ignatius Bryanchaninov when analyzing Leskov's late stories.

Keywords: the story about two righteous men, I. Bryanchaninov's writings and N. S. Leskov's works.

Произведения Н. С. Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» (1886) и «Скоморох Памфалон» (1887), в основу которых положены рассказы из Пролога, не раз уже привлекали внимание исследователей. В работах М. П. Чередниковой, О. А. Державиной, В. А. Туниманова, А. М. Ранчина рассмотрены фольклорные источники, переписка писателя в период создания произведений, изучен вопрос влияния цензурных требований на их трансформацию. Сочинения Игнатия Брянчанинова как один из источников, который мог повлиять на выбор и трактовку писателем сюжета данных произведений, пока не рассматривались. Однако именно в 1885–1887 годах фигура святителя появляется в произведениях Н. С. Лескова, а идеи и стилистика сочинений И. Брянчанинова проникают в тексты как на уровне проблематики и разрешения конфликта, так и на уровне стилистики, метафорики и выбора отдельных номинаций.

В 1886 году было переиздано полное собрание сочинений И. Брянчанинова, и писатель принимал участие в его подготовке [1]. В 1885 году святитель впервые как эпизодический персонаж появляется в рассказе «Таинственные предвестия». В 1887 году, вслед за публикацией

«Скомороха...», Н. С. Лесковым написан рассказ «Инженеры-бессеребренники», в котором он в художественной форме воссоздает некоторые эпизоды биографии Брянчанинова. Сюжетная канва и проблематика «Скомороха...» и «Инженеров...» во многом перекликаются. Как и Ермий, Брянчанинов просит освободить его от службы, поскольку не верит в возможность праведной жизни в погрязшем во грехе мире. Однако он, в отличие от Ермия, лишен самолюбования и имеет на товарищей своих только положительное влияние. Одна из первых глав полностью посвящена обсуждению Брянчаниновым и его другом Чихачевым проблемы «не возгордись»: «Самое главное в нашем положении теперь то, – внушал он (Бр.) Чихачеву, – чтобы сберечь себя от гордости...» [5, т. 8, с. 236].

Мысль о необходимости «беречь себя от гордости» становится основной в размышлениях Лескова в конце 1880-х годов и проводится красной нитью в произведениях и письмах этого периода, не уходя из поля зрения писателя до конца жизни. Переписка Лескова позволяет понять, насколько важна для него была идея отвержения гордыни. В письме А. Н. Пешковой-Толиверовой от 5 декабря 1888 года Лесков остро реагирует на слова о гордости в отзыве на напечатанное письмо П. В. Засодимского: «Зачем еще: “Я имею право гордиться?” Это что за глупость? Какое это может быть “право гордиться”? Вот тебе и христианство, и гуманность, и Лев Толстой! (...) бедный старик!» [5, т. 11, с. 403]. В письме И. Репину от 22 января 1889 года Лесков приводит стихотворение Фофанова, обращенное к Л. Н. Толстому, и дает на него отзыв, опять комментируя одно только слово «горжусь» (из строки: «слежу за гением твоим, *горжусь* его полетом смелым»): «Стихотворение это прекрасно. Но в нем есть одно ужасное слово (курсив писателя. – Н. Н.), которое не совсем идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском значении этого слова. Это слово “горжусь”... Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца, тронутого горящим углем любви христианской» [5, т. 11, с. 413].

Сюжет почти всех произведений Лескова, написанных в 1886–1887 годах, – это сюжет о смиренном праведнике, абсолютно чуждом тщеславия и гордыни, для которого ощущать себя грешником является естественным состоянием. «Богоугодный дровокол» и «Скоморох Памфалон» представляют два варианта сюжета о поиске мнимым праведником истинного праведника, смиренного и не считающего себя таковым: в первом рассказе дана лаконичная версия, и более многоцветная и велеречивая по стилю – в «Скоморохе...». В последнем столпник Ермий, в прошлом знатный и влиятельный государственный человек, противопоставляется нищему скомороху, а в «Богоугодном дровоколе» молитва епископа – молитве простого дровосека. Однако отличие героев заключено не только в их социальном положении, но и в их отношении к Богу и самим себе. Оценка дана в самих эпитетах «богоугодный» и «боголюбезный». «Скоморох Пафалон» в первоначальном варианте был назван «Боголюбезный скоморох» [6, с. 377–378], но в 1886 году «Повесть о богоугодном дровоколе», первоначально опубликованная в составе статьи о Л. Н. Толстом в издании «Новости. Биржевая газета», впоследствии была запрещена цензурным комитетом, а печать «Скомороха...» приостановлена [6, с. 377–378]. Лесков, подчинившись требованиям цензуры, поменял имена главных действующих лиц в «Скоморохе...», а также изменил название: вместо эпитета «боголюбезный» в новом варианте в заглавие вынесено имя главного героя – «Скоморох Памфалон», что дало необходимое нейтральное звучание, хотя сами слова «богоугодный» и «боголюбезный» в тексте остались. В них заключена характеристика героев, и вопрос лишь в том,

почему именно эти герои являются угодными Богу. И отшельник Ермий, и епископ пытаются найти ответ на него в беседе с самими «боголюбезными» праведниками: нищим скоморохом и нищим дровоколом.

Праведники, от которых предстоит получить ответ, не сразу распознаются влиятельными лицами. Ермий думает: «...это невозможно, чтобы человек, для свидания с которым я был снят с моего камня и выведен из пустыни, был скоморох? Какие такие добродетели, достойные вечной жизни, можно заимствовать у комедианта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадях и потешает гуляк в домах, где пьют вино и предаются беспутствам?» [5, т. 8, с. 188]. Аналогичная ситуация в рассказе о дровоколе, где народ и епископ никак не могут поверить, «чтобы еле двигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения Богу молитвы об общественном бедствии? Но никого другого, кроме этого старика, не показывалось, и выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к Богу моление...» [5, т. 11, с. 105].

Ермий несколько раз приступает с расспросами к Памфалону, который искренне недоумевает: «Эх, отец, отец! Если бы ты знал, как мне смешно тебя слушать... <...> о каком богоугодии я могу думать при такой жизни!» [5, т. 8, с. 192]. И дровокол, и скоморох убеждены, что они далеки от Бога и даже помышлять о нем за постоянными трудами им некогда. Суждения о собственной грешности предваряют любые слова скомороха: «Кругом я грязен и скверен», «я большой грешник и бражник, но что хуже всего, – я обманщик» [5, т. 8, с. 202]. Похож и ответ дровокола епископу: «Я самый обыкновенный грешник и провожу жизнь мою в ежедневной житейской суете и хлопотах... даже думать о богоугодных делах мне некогда...» [5, т. 11, с. 107]. Напротив, и столпник Ермий, и епископ полагают, что ведут богоугодную жизнь. Однако молитва епископа о дожде не услышана, а возносящейся на небеса душе Ермия поставлен предел из слова «самоумнение», предел этот стерт одним движением души Памфалона. В слове «самоумнение», как в фокусе, собран весь смысл повести. Боголюбезность, заявленная в первоначальном варианте заглавия – «Боголюбезный скоморох», таким образом, противопоставлена самоумнению. В двух сильных текстовых позициях («заглавие – финал») ключевые слова образуют антонимическую пару, которая постоянно повторяется в сочинениях Игнатия Брянчанинова, а сами понятия, именно в такой номинации и связке – «боголюбезность – самоумнение», неоднократно становятся предметом размышлений святителя.

Проблема смирения и гордыни традиционна для христианской литературы, и у каждого автора есть свои назидательные примеры и советы о преодолении греха гордыни и обретении добродетели смирения, излюбленные наименования и синонимы для обозначения самих понятий, что становится наглядным, например, в сравнении стилистики Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова. У Тихона Задонского речь о грехе гордыни и противоположной ему добродетели смирения ведется с использованием слов «гордость», «высокоумие», «смирение», «кротость», «уничтожение» [4, т. 1, с. 786–787; т. 4, с. 385–387]. Он даже дает подробное, пронумерованное описание признаков гордости и смирения в сочинении «Плоть и дух», но в его творениях не встречается слово «самоумнение», крайне редко употребляются слова «боголюбезный», «богоугодный». В отличие от предшественников, писавших на эту традиционную христианскую тему, Игнатий Брянчанинов почти не использует слова «гордость», он предпочитает слово «самоумнение», а смирение чаще всего обозначается им словами «боголюбезность», «богоугодность» [2; 3], что можно назвать характерной индивидуальной чертой его стиля.

Ту же приверженность словам «самоумнение» и «боголюбезность» можно отметить и у Лескова³⁴. Разрешение конфликта между самоумнением в лице Ермия и епископа и смирением в лице скомороха и дровокола производится назидательно-аллегорически, в точности иллюстрируя поучение Брянчанинова о «боголюбезной праведности» в «Аскетической проповеди»: «Такова боголюбезная праведность! Она производится в человеке осенившею его Божественною благодатью, и благоугождает Богу делами богопреданной правды. *Богоугодный праведник не престаёт признавать себя грешником* (курсив здесь и далее наш. – Н. Н.) не только по причине своих явных грехов, но и по причине своей естественной правды, находящейся в горестном падении... <...> Преподобный Пимен Великий говорил: “*Для меня приятнее человек согрешающий и кающийся, нежели негрешащий и некающийся: первый, признавая себя грешником, имеет мысль благую, а второй, признавая себя праведным, имеет мысль ложную*”» [2, с. 22–23]. Слова поучения почти дословно совпадают с речами лесковских персонажей. Исходя из рассуждения Брянчанинова, проводящие жизнь в заботах о куске хлеба скоморох и дровокол к Богу ближе, поскольку признают себя грешными: «Я ведь сын греха» [5, т. 8, с. 195], «я человек негодный» [5, т. 8, с. 197] – постоянно говорит о себе скоморох. Также ведет себя и дровокол: «Я недостойн, отче, чтобы при тебе, в твоём присутствии, слова молитвы восходили из моих уст» [5, т. 11, с. 196]. Идея и стилистика полностью совпадают со словами из «Беседы о том, что для плодоносного покаяния необходимо отвержение самоумнения» Брянчанинова: «*Недостаточно избрать для жительства место, удобное к покаянию; недостаточно оставить имущество, сродников и друзей, отрешиться от близких и частых сношений с миром, недостаточно этого. Это – только вспомогательные средства к покаянию, это деяния, долженствующие предшествовать покаянию... Продав имение, то есть оставив вещество и прервав связи с миром, надо сотворить плоды, достойные покаяния, чтобы покаяние было действенным, достигло своей цели <...> надо, чтобы дух наш сокрушился и смирился от боголюбезной печали, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; надо извергнуть из себя самоумнение, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас. При самоумнении покаяние невозможно <...> Зараженный самоумнением не способен усвоиться Богу*» [2, с. 370–371].

Писатель словно буквально следует за текстом поучения, воплощая метафоры Брянчанинова в конкретные событийные элементы сюжета. В начале «Скомороха Памфалона» подробно описано, как Ермий раздал богатое имущество, нашел подходящее место: «Ермий пришел к отдаленному городу и совсем неожиданно для себя нашел “некий столп”. Это была высокая каменная скала, и с расщелиной, и в середине расщелины было место, как только можно одному человеку установиться. “Вот, – подумал Ермий, – это мне готовое место”» [5, т. 8, с. 177]. На этом месте он простоит столпником тридцать лет, но, как окажется в финале, впустую, поскольку «спасение невозможно без того, чтобы угодить Богу» [5, т. 8, с. 192], – это слова самого Ермия, а как угодить ему, открывает скоморох своим рассказом. «Боголюбезный» скоморох искренне печалится оттого, что не смог отречься от своего ремесла, спасая попавшую в беду Магну и ее детей, и считает, что тем самым нарушил свой обет Богу: «... исправление жизни моей и с ней надежда на блаженную вечность навсегда разлетелись. Так я теперь и остаюсь скоморохом – я смехотвор, я – беспутник... я дегтярная бочка, я негодная

³⁴ К сожалению, пока предложенный «Виртуальной научной лабораторией “Н. С. Лесков”» частотный словарь вообще не включает в состав слова «богоугодный» и «боголюбезный», лишь однократное «боголюбивый», а «самоумнение» отмечено десятью словоупотреблениями [9].

дрянь, которую ничем уже не исправишь» [5, т. 8, с. 229]. Ермий понимает, наконец, чем тот стал «Богу любезен» [5, т. 8, с. 201]: «Вечность впусте не будет... перейдут в нее путем милосердия много тех, кого свет презирает и о которых я, гордый отшельник, забыл, залюбовавшись собою» [5, т. 8, с. 229].

В 11-томном собрании сочинений в комментариях к «Скомороху Памфалону» сказано, что Лесков, указывая близким адресатам на житие Феодула из Пролога, скрывал источник повести от широкого читателя в силу противоречия, происходящего между источником и вольностью его трактовки писателем: «Повесть из Прологов кончил и ею доволен. Источника фабулы не указываю <...> Перечитал и изучил для нее немало» [5, т. 8, с. 584]. «Вольная» интерпретация Лескова близка по смыслу сюжету из «Отечника» Игнатия Брянчанинова, сходному с проложным: «Однажды блаженный Антоний молился в келлии своей, – и был к нему глас: “Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии”. Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: “Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню”. Кожевник отвечал: “Не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе; по этой причине, вставая рано с постели моей, прежде, нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать”. Услышав это, блаженный Антоний отвечал: “Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими”» [3, с. 39–40].

Здесь кратко изложена основная идея названных лесковских произведений, а фабула сходна с фабулой «Скомороха...»: глас отшельнику о необходимости найти праведника, простого человека, в большом городе; беседа с ним; недоумение праведника, считающего себя недостойным грешником; осознание отшельником превосходства найденного им праведника в деле спасения. После самой притчи следует комментарий святителя: «Глубина смирения есть вместе и высота преуспевания. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и погибели» [3, с. 40]. Финал «Скомороха Памфалона» представляет собой буквально воплощенную метафору «восхождения на небо»: перед «покушавшимся взойти без посредства смирения» Ермием встали преградой на пути ввысь огненные буквы, составившие слово «самомнение», – именно самомнение, а не «гордыня», «гордость» или же другие синонимы. Вполне возможно, что и само обращение к сходному сюжету в Прологе произошло не без воздействия сочинений Брянчанинова, а трактовка его полностью согласуется с рассуждениями святителя о самомнении и боголюбивости и ведется в тех же, что у святителя, выражениях, в точности повторяя сами номинации и буквально реализуя его метафоры.

В последних строках комментария к статье «Лучший богомолец», в состав которой был включен рассказ о богоугодном дровосеке, Лесков отзывается о журнальной критике народных рассказов Л. Н. Толстого в той же стилистике, повторяя слова о боголюбивости: «Напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбивой» [5, т. 11, с. 114]. Проблематика и сюжеты произведений Лескова 1886–1888 годов выстраиваются в едином

русле размышлений о гордыне и смирении. В «Сказании о Федоре-христианине и Абраме-жидовине» (1886), показано, как почитание самого себя истинно праведным, а своей веры – единственно правильною ведет к розни людей. Важность и естественность смирения, бескорыстного добра подчеркивается и в рассказе «Спасение погибавшего» (впоследствии «Человек на часах») (1886). Писатель последовательно развивает в произведениях, основанных на разном материале, идею преодоления самолюбования посредством самоотверженного служения ближнему, предельно заостряя антитезу «боголюбности»/смирения и «самоуверенности»/гордыни в «Скоморохе Памфалоне». Внутренне близка и созвучна таланту Лескова мысль Брянчанинова о том, что литература должна предлагать человеку примеры добродетели, а не соблазнять его недостойными примерами. Жизненный опыт и сочинения самого святителя способствовали появлению в творчестве Лескова определенных тем, сюжетов и героев.

Критика поздним Лесковым церкви обычно связывается с причинами социальными (невершенство самой церкви, отсутствие образцовых священников) [7], а также с внутренней причиной [8], и обычно иллюстрируется цитатой из письма Лескова М. А. Протопопову от 23 декабря 1891 года о «хорошо прочитанном Евангелии» [5, т. 11, с. 508]. Цитата эта встречается в разных работах. Однако данные слова в письме закавычены писателем. Видимо, это выражение не самого писателя, а, вероятно, Протопопова, автора статьи о Лескове, за которую Лесков и благодарит своего адресата. «Хорошо прочитать Евангелие» ему могли способствовать сочинения Брянчанинова, которые сами являются буквальным «хорошо прочитанным» Евангелием, его толкованием с опорой на сочинения Отцов Церкви. Именно потому важно при анализе поздних произведений Лескова вовлечь в круг исследуемых проблем сочинения столь выдающегося религиозного деятеля, каковым являлся святитель И. Брянчанинов, и рассмотреть их возможное воздействие на позднее творчество писателя.

Литература

1. Брянчанинов Игнатий. Соч.: в 5 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saint-fathers.org/toma-s-3-po-8-svyatitel-ignatij-bryanchaninov-polnoe-sobranie-sochineniy-reprint-izdaniya-tipografii-tuzova-1886-goda.html> (дата обращения: 02.04.2013).
2. Брянчанинов И. Аскетическая проповедь. – Минск: Лучи Софии, 2002. – 480 с.
3. Брянчанинов И. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их // Полн. собр. творений Игнатия Брянчанинова [Электронный ресурс]. – М., 2004. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/otchnik/otchnik.pdf> (дата обращения: 27.05.2013).
4. Задонский Тихон. Плоть и дух [Электронный ресурс] // Собр. соч. – Т. 1. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=207 (дата обращения: 28.05.2013).
5. Лесков Н. С. Соч.: в 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958.
6. Ранчин А. М. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон» // Неизданный Лесков. Литературное наследство. – М.: Наследие, 1991. – Т. 101, кн. 1. – 654 с.
7. Румянцев А. Б. Н. С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 212–217.
8. Струве П. Б. Н. С. Лесков (Несколько черт из воспоминаний) // Русская литература. – 1992. – № 3. – С. 95–98.
9. Частотный словарь [Электронный ресурс] // Виртуальная научная лаборатория «Н. С. Лесков». – Режим доступа: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_dictionary&Itemid=22 (дата обращения: 21.05.2013).

Literatura

1. Brjanchaninov Ignatij. Soch.: v 5 t. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.saint-fathers.org/toma-s-3-po-8-svyatitel-ignatij-bryanchaninov-polnoe-sobranie-sochineniy-reprint-izdaniya-tipografii-tuzova-1886-goda.html> (data obrashhenija: 02.04.2013).
2. Brjanchaninov I. Asketicheskaja propoved'. – Minsk: Luchi Sofii, 2002. – 480 s.
3. Brjanchaninov I. Otechnik. Izbrannye izrechenija svjatyh inokov i povesti iz zhizni ih // Poln. sobr. tvorenij Ignatija Brjanchaninova [Elektronnyj resurs]. – M., 2004. – Rezhim dostupa: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/otechnik/otechnik.pdf> (data obrashhenija: 27.05.2013).
4. Zadonskij Tihon. Plot' i duh [Elektronnyj resurs] // Sobr. soch. – Rezhim dostupa: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=207 (data obrashhenija: 28.05.2013).
5. Leskov N. S. Soch.: v 11 t. – M.: GIHL, 1956–1958.
6. Ranchin A. M. K tvorcheskoj istorii legend Leskova «Povest' o bogougodnom drovokole» i «Skomoroh Pamfalon» // Neizdannyj Leskov. Literaturnoe nasledstvo. – M.: Nasledie, 1991. – T. 101, kn. 1. – 654 s.
7. Rumjancev A. B. N. S. Leskov i russkaja pravoslavnaja cerkov' // Russkaja literatura. – 1995. – № 1. – S. 212–217.
8. Struve P. B. N. S. Leskov. (Neskol'ko chert iz vospominanij) // Russkaja literatura. – 1992. – № 3. – S. 95–98.
9. Chastotnyj slovar' [Elektronnyj resurs] // Virtual'naja nauchnaja laboratorija «N. S. Leskov». – Rezhim dostupa: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_dictionary&Itemid=22 (data obrashhenija: 21.05.2013).